Пора покосная

Где-то в середине лета трава набирает силу и становится сочной. А на солнцепёке уже местами начинает жухнуть. Вот тогда-то и засобиралась семья Васька на покосы. В личном хозяйстве имелась коровёнка дойная, нетель-двухлетка да овечек несколько, и гордость матушки — пуховые козочки. И здорово эти козочки бюджету семейному помогали. В ту пору в сибирских сёлах у женщин был такой местный доходный промысел — вязание пуховых платков, шалей, как их в народе называли. Теплых, лёгких, как пушинки, и нарядных. Не каждая женщина могла себе позволить носить такой платок. А матушка была первейшая искусница в этом деле. И расходились её платочки-шальки, добротно и с любовью связанные,

по людям, рублей по 120 за штуку, не менее. Это были большие деньги в ту пору, и равнялись они месячной самой большой пенсии. Вязание шалей — труд очень кропотливый, требующий большого внимания, под силу, наверное, только терпеливой русской женщине. Долгими зимними вечерами вязала мама Васька это ажурное чудо в надежде купить на полученные за него денежки что-нибудь своим любимым детишкам. Да такое, чтобы было не хуже, чем у других, о чём не преминут отметить женщины в соседских разговорах. И это грело душу и придавало ей силы.

Обычно за зиму уходило на прокорм скоту два-три небольших стожка сена. Один для овечек и козочек, обязательно из мелкотравья, мягкого и душистого. Другой стожок — для коров, из грубой травы, осотом называется.

Как-то получилось тем летом, что поблизости от села отец не смог найти покосов. То ли не очень старался, то ли более расторопные подсуетились и позанимали всё в округе. И тут семейство вспомнило о дядьке Валентине, родном брате отца. В ту пору дядюшка был личностью весьма интересной и самобытной. Председательствовал он в деревне Филошенка, что в сотне километров, на севере Венгеровского района. Деревня эта являлась центральной усадьбой колхоза. Раскинулась она на живописном берегу реки Аранцас, притока Тартаса, что течёт уже через родное село Венгерово, где Васёк и проживал с семейством. Народу в деревне немного, не более пятисот человек, а может, и меньше, одним словом, дальняя заимка.

С утреца загрузили в отцову машину все необходимое, да с первыми лучами солнца двинулись в путь неблизкий. Машина государственная, из местной сельхозтехники, где отец и работал. Он за рулём, мама рядом в кабине, а Васёк с дедом — в кузове, на специально сколоченной скамеечке. Ехали долго, с остановками и перекусами. И не потому, что так хотелось, а по причине того, что просёлочные дороги были вдрызг разбиты. Да и машина была не ахти какая резвая, бортовой грузовичок, знаменитая полуторка, битая и множество раз ремонтированная. Уже стало невмоготу от тряски и долгого сидения на жёсткой скамейке, как наконец вдали показались первые деревенские избы.

Дальняя заимка

По пыльной просёлочной дороге въехали на центральную улицу деревни. Дома стояли на ней деревянные, за высокими, рубленными из бревна высоченными таёжными заборами. Ворота солидные, с резьбой простецкой. Родная сибирская деревня, незатейливая по планировке, но жильё сработано добротно, из бревна соснового, на века. И тут дед, обычно не словоохотливый, речи повёл философские, с житейской хитрецой. Работёнка-то, мол, будет у нас с тобой, внучек, да и деньжата на прокорм тоже.

— Будет работёнка, будет, куда ей деться-то, — приговаривал дед, довольно поглаживая свою лысину.

А говорил дед о предстоящей работе, действительно, сущую правду, имея в виду кладку печей. Только посмотрел он на кирпичные трубы, торчащие над крышами домов, и тут же сделал вывод — дела печные в деревне совсем никудышные. Так оно и было. В районе хороших печников совсем мало, а уж тех, которые были, знали наперечет. Особенно домохозяйки, для которых русская печь была самым главным инструментом в доме. Можно сказать, очагом семейным.

Дед Павел или, как его навеличивали, Павел Никитич, был одним из лучших печников в районе. Даже из дальних деревень за ним на кошевой конной повозке приезжали. А потом сами же и привозили после трудов праведных — так обхаживали только мастеров знатных.

В работе дед был суров и немногословен. Ваську пришлось испытать это на себе, когда взял дед его в помощники на лето в школьные каникулы. В работе он всегда наставлял Васька:

— Ты мой помощник и не должен вертеться у меня под ногами, когда я работаю. Видеть я должен твою помощь, а не твою суету. По движению моих рук и по работе, которую я делаю, ты должен угадывать, в чём я нуждаюсь. Либо мне нужно кирпич подать, либо обтесать его. Либо ведро раствора принести. Думай, а не жди окрика мастера, иначе ты — не помощник, а так себе.

Так и привык Васёк сызмальства к порядку и сообразительности. Повзрослев, стал от близких это требовать, но плохо получается — внуки все городские, душу деревни не приемлют.

Наконец подъехали к дому дядюшки. Усадьба его была собственностью колхоза, и при замене председателя он должен был освободить её, таковы были порядки Советского времени. О таких хоромах, что сейчас имеют чиновники, никто раньше и мечтать не мог, да и зачем? Все жили ровно, шибко богатеть смысла в наших краях не было, зато жили спокойно и весело, работали не натужно, но основательно.

Весь оставшийся день семья пробыла на усадьбе не работая — как-никак, в гости приехали издалека. Есть о чём поговорить родственникам и о чём вспомнить, встречи ведь такие нечастые. Вечером взрослые собственного производства самогоночки пригубили, как без неё-то, родимой, а потом песни пели русские, народные. Мама запевалой была — голос у неё звонкий и мелодичный, заслушаешься.

Ранним утром дядюшка поехал со всеми на покосы показать деляны на выбор. Отец уехал сразу назад в Венгерово — машина-то государственная. Дадена она была на короткий срок, вроде бы как мелкие запчасти в колхоз доставить и назад сразу.

Расквартировались

Сгрузила семья с машины свой нехитрый скарб на краю берёзовой рощи. Перед нею расстилался большой луг, он-то и стал сенокосным угодьем. Все дружно приступили к устройству полевого стана. Жить тут предстояло больше недели, а погода могла быть невесть какой, и без укрытия — никак. Пока же светило солнце и, как говорили промеж собой в деревне, стояло вёдро — устойчивая солнечная погода.

Ваську всё было в диковинку: новое место, незнакомая природа. А главное — ожидание работы, которой он раньше по малолетству своему не занимался. Дед обещал, что научит косить, а это ведь серьёзная мужская работа! Он загодя, ещё дома, и литовочку (косу) маленькую, но взаправдашнюю для любимого внука смастерил.

Балаган из молодых берёзок, укрытых ивовыми ветками, покрыли большим брезентовым пологом. И никакой дождь в нём не страшен, уже не раз проверено.

Соломку сухую на пол положили, заранее, еще в деревне, припасённую. Матрасы ватные положили поверх. Стало куда лучше, спи — не хочу, особенно после трудов-то праведных. Рядом с шалашиком кострище изготовили. Выкосили вокруг всю траву пожухлую, убрали мелкие сучья, чтобы пожар не случился от недогляду. Дед из лесу притащил две упавших от старости сосёнки на дрова — от них жар шибче, чем от других деревьев. Да и горят они веселее, потрескивают как живые. Матушка Васька, как домовитая хозяйка, разложила по местам посуду, продукты и всё такое, в хозяйстве нужное. Работу делали добротно, не суетясь — обычное крестьянское дело, не впервой ведь.

Солнце уже на середину неба выползло, зависло прямо над головой, словно яблоко красное и спелое. Оттого и теплом подуло. Солнце в зените — полдень, стало быть, наступил. Жара несусветная, запахом разнотравья отдаёт. Хорошая погода — душа радуется! Плохо, что речушки рядом нет, а искупаться так хочется! Смотришь на солнце, а оно прямо над головой — это юг спереди, значит, будет. А за спиной — север, по левую руку — запад, а по правую — восток.

— Запомнить надо, чтобы в лесу не заблудиться, — подумал Васёк, оглядевшись вокруг. — Места-то неизвестные, таёжные, одно слово — урман непролазный.

Работать ещё не начали — не принято косить траву в полдень. В это время она становится жёсткой да и, говорят, витамины из неё улетучиваются. Вечером дед сделает первую проходку и литовочки отобьёт на утро. Потом обойдут покос все вместе. Косить тут надо не всё подряд, а только травку для мелкой скотинки, зелёную и разнотравную.

День уже за середину перевалил. Всё уложено и прибрано как надо, можно и отдохнуть.

Вечерняя вылазка

Вечерело, солнце скрылось за макушками деревьев. Густая тень от них покрыла ещё не скошенную траву и ставшую уже такой родной обжитую лесную стоянку. С берёзовой рощи потянуло прохладой, подул лёгкий освежающий ветерок.

«Ночь будет не такая душная, как вчера», — подумал Васёк.

Притомившись за день, дед с матушкой прилегли отдохнуть в балагане. И стал Васёк свободным от всяческих дел и поручений. Вот уж второй день доживала семья на покосе, а он так и не был ещё в лесу. А так хотелось попробовать местную клубнику, что в этих местах была сладкой да душистой, и росла в изобилии.

Небо высокое, чистое от облаков. До кромешной темноты была ещё уйма времени. В общем, подвернулся случай очень удачный для вылазки в лес. Васёк наскоро переобулся в кирзачи, а без них никак нельзя ходить в лес — опасно и боязно, частенько в лесу змеи попадаются, да не ужи безобидные, а гадюки. Прихватив с собой лукошко и простецкий складной ножичек для храбрости, поспешил в сторону леса. Ваську казалось, что ягода там должна быть крупная и рясная, и спелости нужной.

Лес встретил его щебетом запоздалых птиц, шуршанием листвы и густой зелёной травой, доходящей до колен. Берёзы стояли вперемешку с кустами черёмухи и боярышника. Немного побродив вдоль кромки леса, Васёк понял, что места тут совсем не ягодные. Идти вглубь — зряшная затея, ну не растёт ягода без солнца! В надежде найти ягодную полянку решил он двигаться в одну сторону, на закат

солнца, а не рыскать как волчок по лесу. Ему казалось, да и все деревенские пацаны так думали, что чем дальше в лес, тем ягод больше. И она крупнее и слаще. Но, как оказалось впоследствии, и рядом-то ягоды было не меньше. Но пацаны жили своим умом и опытом, чем и гордились друг перед дружкой.

Долгонько шёл Васёк по лесу, продираясь сквозь густо растущий шиповник и кусачий боярышник, с трудом перепрыгивал через толстые стволы упавших от старости больших сосен. Подустав от борьбы с буреломами, хотел повернуть назад к балагану, но увидел впереди просвет между деревьями.

«На полянку, наверное, выхожу», — подумал Васёк и прибавил ходу. Но вышел он не на поляну, как думал, а на небольшое лесное болотце, уже давно высохшее.

Молодой коршун

В лучах заходящего солнца картина развернулась перед глазами впечатляющая. Этакое жёлтое блюдце, на котором торчат, как в пироге, высохшие болотные кочки в полчеловека ростом. Верхушки кочек одеты в травяные шапки, и местами на них алеют бусинки крупной алой клюквы. Берёзы плотным кольцом, как витязи в дозоре, обступили это маленькое чудо. Ваську показалось, что он внезапно очутился в сказке, до того всё это было необычно и завораживающе. Лёгкий ветер колыхал вершины высоких деревьев, создавая ощущение чего-то живого. И от этого стало немножко страшновато.

«Возвращаться надо, — подумал он, — земляника в этих местах, видно, сроду не росла, а клюкву собирать ещё рановато. Место незнакомое, ночь уж наступает, а путь назад не близкий».

Окинул последним взглядом волшебное болотце и уже хотел повернуть назад. Но то, что увидел у самой его кромки, заставило его остановиться. Могучая берёза со сломанной, видать громом, вершиной внезапно озарилась закатным солнечным всполохом. На самом верху, там, где ветки разметались во все стороны, возвышалось большущее птичье гнездо, в котором мог бы поместиться сам Васёк. Такого большого гнезда он в жизни не видел. В деревне, в берёзовой роще, что на острове у Подмарёвского озера, гнездилось очень много грачей. Но гнёзда у них были намного меньше, размером с зимнюю меховую шапку взрослого человека. А тут такая громадина! Видно, птица была хищной и очень крупной. От этой мысли страшно стало: ведь кругом лес, и помощи никакой, если что случится. Но древний охотничий инстинкт, сидевший в нём, упорно подталкивал к дереву.

«Иди и посмотри, — нашёптывал он. — Ведь это не так страшно! В кармане у тебя защита, перочинный складной ножичек. Иди, иди, не бойся, ты же храбрый!»

Осторожно ступил Васёк на болотце, под ногами зачавкала водичка, видно, не совсем болотце высохло. Осторожно подошёл к дереву и внимательно стал разглядывать большое птичье гнездо. В нём стоит и не улетает большая птица, птенец ещё, наверное. Видно только недавно летать научился, потому и не боится человека. Чёрный коршун! Да, это был именно чёрный коршун — хищная птица, которая редко водилась в этих местах.

Плен

Молодой коршун одиноко стоял в гнезде и с интересом смотрел сверху на маленького человечка, который что-то громко кричал и размахивал руками. Птенец еще только начинал учиться летать, и только тогда, когда рядом были его грозные родители. А сейчас их нет, они улетели за кормом, оставив его одного, без присмотра, а тут такое происходит.

В начале Васёк попытался подняться по дереву к гнезду, но не смог. На стволе березы у самого гнезда не было сучков, и зацепиться было не за что. Тогда Васёк срезал тонкую и прямую березку, очистил от веток, у него получился длинный шест.

Шестом он начал стучать снизу по гнезду. Коршун забеспокоился и стал метаться. В конце концов это ему, видать, надоело, он подпрыгнул вверх несколько раз, расправил крылья и полетел. Медленно взмахивая широкими крыльями, он поднимался все выше и выше над болотом. Потом стал кружить над ним, паря в воздухе и медленно спускаясь к земле. Видать, устал от полета, силенок-то по молодости не хватало.

Совсем низко опустился коршун. С лету попытался сесть на болото, но, потеряв равновесие, упал, застряв между двумя кочками. Хлопает крыльями, а взлететь не может: капкан крепко держит.

Вот тут-то у Васька и мелькнула мысль поймать молодого коршуна. Бросился он бежать к месту, где упала птица, на ходу снимая рубашку. Подбежал, запыхавшись, а коршун так грозно смотрит на Васька, шипит и головой мотает. Васёк зашел сзади и ловко набросил на голову птенца свою рубашку, он и успокоился. Осторожно завязал рукава рубашки, и коршуненок превратился в маленького ребенка, которого запеленали родители.

Васёк осторожно поднял тяжеленную ношу, прижал крепко к себе, и шустро зашагал к полевому стану.

«Нужно быстрее уйти подальше от гнезда, не то прилетят родители, большие коршуны, и тогда не поздоровится — заклевать могут».

С большим трудом дотащил Васёк свою добычу до полевого стана. Дед и маманя очень удивились и не могли поверить, как это маленький мальчик поймал такую грозную птицу.

Дед первым спросил, зачем Ваську коршун, и Васёк поведал, что давно хотел иметь свою собственную охотничью птицу: копчика или ястреба, а тут коршун попался — это еще намного лучше.

В деревне у одного пацана был домашний журавль, длинноногий такой. Отец его с охоты раненым привез, так они его всей семьей выхаживали, чтобы потом на волю отпустить.

— Ну что же, попытайся приручить коршуна, если у тебя получится, — сказал дед.

Мамка тоже была не против. «Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы делом занималось», — подумала она.

Васёк смастерил при помощи деда клетку из тальниковых прутьев, сверху накрыл ее куском брезента, чтобы дождь не капал. На пол набросал соломку и впустил коршуна в клетку.

Вначале он пытался вылезти в отверстия между прутьями, но ничего не получилось, и птенец успокоился.

Вот уже целых два дня жил молодой коршун в клетке, но корма никакого не принимал. Васёк приносил ему и хлеба, и рыбы, и мяса из супа, но он к этой еде даже и не прикоснулся.

Стоял в углу клетки, нахохлившись, и не двигался долго. Только большие выразительные глаза говорили о том, что он пристально следит за тем, что происходит вокруг. Временами он издавал резкие звуки наподобие клекота, наверное, звал своих родителей на помощь, а они его не слышали.

Встреча со змеей

Долго смотрел дед, как Васёк безуспешно пытается хоть чем-то накормить непокорного пернатого пленника.

— Иди-ка ты, унучек, — так почему-то обращались старшие в деревне к своим малым. — Иди-ка ты в лес да излови птенцу голодному змейку маленькую али ящерку, не то он у тебя с голоду помрёт.

В ловле змей деревенские пацаны имели кой-какой опыт, так как в окрестностях встречались они нередко. Особенно часто квартировались змеи в местах болотистых и клюквенных, где на покосах люди на них и натыкались. Был и у Васька такой случай.

Как-то прошлым летом они с дедом сено косили на дальней деляне. Рядом с покосом раскинулся большущий рям. Так в народе называли болотистое место, на подходах к которому росли клюква и брусника. Всегда, когда шли в рям за ягодой, брали с собой ивовый прутик, гибкий, длиной в свой рост, не более. Прутик-то этот и служил орудием защиты, а вернее, нападения на змей.

В свободное от работы время отправился Васёк за брусничкой. Собирает ягоду, выбирая только крупную да спелую, полведёрочка уже набрал, а хочется ещё больше. Увлёкся в азарте, по сторонам не оглядывается, осторожность всякую потерял. Спина вот только ноет, разогнуться хочется. Ягоды-то собирать — это тебе не за грибами охотиться, там труд интеллигентный, ходи да поглядывай внимательно. Вконец уставший, он выпрямился во весь рост, надумав маленько отдохнуть. Огляделся вокруг — место незнакомое, угрюмое какое-то. Кругом болотные кочки да тальник, вдали — водная гладь поблескивает. Лес, из которого вышел к болоту, уже далековато.

«Буду возвращаться и тогда ведёрко сполна и доберу», — решил Васёк.

Обернувшись назад, от неожиданности он замер на месте. В трёх шагах, на болотистой кочке лежала свернувшаяся в клубок большая гадюка! Наклоняясь за ягодой, он, видать, её не заметил и прошёл мимо, не нарушив её покой. С испугом смотрел он, как змея разворачивается, поднимая голову. Она шипела и вибрировала тонким язычком, предупреждая его, что готовится к защите, а в худшем случае и к нападению! Глаза Васька и гадюки встретились, и он очнулся от оцепенения. Выхватил из-за голенища сапога ивовый прутик и резко, как саблей, сделал выпад в сторону змеи. Удар прутика пришёлся чуть ниже змеиной головы. От сильного удара она, переломившись, упала и задёргалась в конвульсиях. Осмелев, Васёк подошёл к кочке, на которой лежала поверженная змея. Туловище её было в средней части какое-то толстое-толстое.

«Она, наверное, недавно проглотила мышку и спокойненько её переваривала, — подумал Васёк, — а тут — я некстати».

У деревенских пацанов было такое поверье, что убитую змею надо обязательно повесить на дерево. И умрёт она окончательно, только когда солнце сядет за горизонт. Если же ты так не сделаешь, то змея оживёт и когда-нибудь, встретив тебя в лесу, вспомнит и ужалит до смерти.

Сбросив змейку прутиком на землю, он наступил сапогом ей на голову, чтоб наверняка. Да не подрассчитал, лопнуло у неё брюхо, а оттуда полезли маленькие змеята! Беленькие такие, размером с пиявку, но уже делают стойку и пытаются шипеть! Одним словом, змеи — они и есть змеи. Гадюка та оказалась самкой. И никакую мышку она не проглотила, а была на сносях и ждала детенышей.

Бабка Шима

Как вести себя при встрече со змеями, Васька обучила его родная бабушка, когда он был совсем маленьким.

Бабушка с отцовской стороны, нареченная родителями Ахимией, в простонародье звалась бабой Шимой. Значилась она у наших деревенских знахаркой и повитухой. Ну, не такой уж чтобы знаменитой, но кое-что она всё же умела, и народ к ней хаживал время от времени. Ваську доводилось видеть, как она лечила детей от испуга. Испугается ребёнок какой-то неожиданности, а это в деревнях случалось частенько, станет бояться темени или ещё чего, один дома не остается, всего пужается и плачет. А ещё хуже — немтырём станет, молчит и не разговаривает, или заикаться начнёт, а до этого такой говорливый был. Вот тут-то бедные родители и вспоминают о бабе Шиме, и бегут к ней за помощью. В бабкином лечении самое главное было установить, кто или что испугало мальца. Это как по нынешним временам диагноз поставить. И процесс этот вот как происходил.

Ставила бабка на стол большой эмалированный тазик с налитой до краёв водой. Не торопясь зажигала толстую парафиновую свечку. А когда парафин начинал плавиться и стекать со свечки, с троекратной молитвой подносила её к тазику. Расплавившись, парафин капал на холодную воду и, мгновенно остывая на её поверхности, превращался в причудливые узоры. Бабка внимательно изучала эти фигурки и только по одному ей понятному признаку объявляла окончательный диагноз.

— Малец-то ваш петухом испуган, — говорила она и тушила свечку.

Весь обряд происходил в полной тишине. Была бабушка Шима смуглой и смахивала на цыганку, что делало её таинственной и загадочной. После этого начиналось само лечение — наговорами и травами. Но Ваську это уже было неинтересно, да, собственно, это уже совсем другая история.

Но вернёмся к змеям. На кухне, на глухой стенке над бабушкиной кроватью висел шкапчик. В нём она хранила всяческие разности, нужные для знахарства. Как-то без спросу заглянул Васёк в этот шкапчик, развернул белую тряпицу, а там змейка лежит! От его неловкости и испуга змейка-то на пол и упала. Смотрит он на неё, смотрит, а она лежит себе спокойненько! Не ползёт и даже не двигается, присматривается, что ли? И тут он догадался — так ведь она же совсем неживая, да по правде даже мёртвая! Да и не змея это вовсе, а только высохшая её шкурка!

В природе многие змеи раз в год меняют шкурку, можно сказать, линяют наподобие зайчиков. Ползают они, ползают, а шкура постепенно отстаёт от них. И в конце концов они выползают из неё, но уже в новой шкурке, намного красивее старой.

Такую сброшенную змеёй после линьки шкурку находил Васёк потом не раз в лесу и самолично приносил её бабушке. От такого подарка пребывала она в большой радости и угощала внучка гостинцами.

Ловля змей

И вот, по совету деда Павла, засобирался Васёк в лес поймать для голодного коршуненка змейку маленькую.

Охота на змей — занятие нешуточное и опасное. Опыт у Васька в этом деле небольшой, но имелся. Прошлым летом, на покосах отлавливал он змей, и не один раз. Главное в этом деле — быть смелым и решительным. Хорошее и надежное орудие для ловли смастерить также немаловажно. Недалеко от балагана Васёк заприметил молоденькую стройную березку высотой с рост человеческий.

Вот она-то как раз и годилась для этого. Срубив березку и тщательно очистив ее от сучков, на тонкой вершине сделал надрез и расщепил кончик пополам.

Вилка настоящая получилась. Осталось только раздвинуть вилку на толщину туловища змеи и закрепить это положение, просунув между лепестками вилки обычную палку-клин с палец толщиной. Стоит только выдернуть этот клин, как лепестки вилки сжимаются и накрепко охватывают тело змеи, и тогда ей уже никуда не деться.

Первую змейку Васёк обнаружил у самой кромки леса невзначай, чуть не наступив на нее. Осторожно шел он за ней, не делая резких движений, а она, причудливо извиваясь, все дальше уползала в чащу леса.

«Уйдет ведь хитрая, уйдет», — сообразил Васёк.

Но тут случилось то, чего Васёк не ожидал. На пути змейки сосна большая стояла, она-то и перегородила ход беглянке. От неожиданности змея остановилась, остановился и Васёк, буквально в трех шагах от нее.

Змея подняла голову и стала медленно заползать на дерево, всякий раз шевеля своим ядовитым язычком. Тут Васёк, изловчившись, прижал вилкой к дереву и отпустил палку-клин. Змея стала извиваться, бить хвостом по палке, но было уже поздно — ловушка захлопнулась, клин крепко обхватил ее тело. Обрадованный удачной охотой, Васёк поспешил к балагану.

Молодой коршун, как всегда уныло, стоял в углу клетки и, казалось, не обращал ни на кого внимания. Васёк открыл дверцу и подбросил змейку к ногам коршуна. Только один раз клюнул он змею в голову, та и затихла. Есть её не стал, не понравилась, видать, а может быть, объявил забастовку.

Коршун — птица вольная

Третий день после поимки коршуна выдался пасмурным. С утра моросил мелкий дождик, лениво и не переставая. Землю накрыло сплошным белым туманом, как лёгким пушистым одеялом. Запах скошенной травы усилился, и воздух, наполненный душистым настоем, вдыхался легко. И оттого на душе было радостно. На покосах такое редко встречается. В такую погоду не работают. Вот выглянет солнце из-за туч, подсушит скошенную траву, вот тогда и грести, и копнить, и стога метать можно.

А сейчас каждый должен сам себе найти занятие. Дед Павел, как всегда, начнёт литовки отбивать, чтобы были поострее, после чего косить сподручнее и легче. А делается это так. Толстое берёзовое полено ставится вертикально, или «на попа», как принято говорить среди деревенских. В верхнюю часть вбивается маленькая наковаленка — это такой квадратный кусок металла с хвостиком в форме гвоздя. Дед садится рядом и, положив полотно литовки на наковаленку, стучит по нему молотком — тук, тук, тук. Полотно расплющивается и становится тоньше. Потом дед берёт оселок (это такой точильный брусок) и легонько начинает затачивать полотно, то с одной стороны, то с другой — вжик, вжик, вжик. Ну, почти как кухонные ножи дома точат, только это намного сложнее и опаснее. После такой заточки литовка становится острющая, и траву косит как по маслу, без напряга.

У мамки работа всегда одна и та же — вкусно накормить своих мужиков-работников. Приготовить еду на костре — дело кропотливое и непростое. Но ей это не впервой, и всегда всё получается вкусно. За уши не оттянешь!

Зная, что всё будет, как и должно быть, Васёк решил посмотреть на своего пернатого пленника. Осторожно подошёл к клетке. Молодой коршун стоял неподвижно в углу. Глаза его, живые и пронзительные, зорко следили за происходящим. Положенная ему с вечера еда была совсем не тронута. Только в мисочке заметно убавилась водица.

«Голодовку, видать, объявил, — подумал Васёк, — а может, это совсем и не его коршунская еда?».

Глядя на птицу, томящуюся в клетке, он подумал, что если птенец долго не будет есть, то погибнет. И впервые у Васька мелькнула мысль: отпустить пленника на волю. А тот будто почувствовал, что сейчас решается его судьба — быть ему вольной птицей или нет. Он подошел к дверце клетки и сделал несколько коротких взмахов крыльями, показывая всем своим видом, что готов улететь в родное гнездо хоть сейчас! Васёк понимал: отпустив птенца, он навсегда расстанется с давнишней мечтой: на зависть пацанам, иметь собственного коршуна-охотника. Он подошёл близко к клетке, и глаза коршунёнка и мальчика встретились. Перед Васьком в клетке стояла молодая, сильная, гордая и вольная птица! И Васёк окончательно понял, что молодой коршун никогда не смирится с пленом, никогда!

Осторожно открыв дверцу клетки, он отошёл в сторонку. Коршун вертел головой и не мог понять, что от него хотят. Зайдя с другой стороны клетки, Васёк легонько постучал по ней палкой, направляя птицу к открытой дверце.

— Выходи же наконец, выходи, глупый, — раз за разом повторял он.

Пленник нерешительно двинулся к дверце, остановился на мгновение и сделал первый шаг к свободе. Озираясь по сторонам, он, видимо, пытался вспомнить где он и, самое главное, в какой стороне его родное гнездо. Окинув мальчика прощальным взглядом, коршун сначала медленно, а потом всё быстрее стал разбегаться, хлопая своими большими крыльями. Давалось это ему нелегко, никак он не мог подняться на крыло. На краю полянки всё же оторвался от земли и взлетел. Взлетел, тяжело взмахивая большими, отвыкшими от полета крыльями. Поднявшись над макушками деревьев, он стал парить над землёй, как это делали его родители, взрослые коршуны. Васёк вначале бежал за ним и пытался догнать. Но где там, разве угонишься! В конце концов он устал и потерял птенца из виду. Позже, вспоминая этот полет из неволи, Васёк так и не смог понять, как коршун определил, в какой стороне его родное гнездо. Это направление он почувствовал безошибочно, как будто кто-то позвал его оттуда.

Возвращаясь назад, к полевому стану, Васёк всё думал о своей мечте иметь собственную охотничью птицу. Он обучил бы ее рыбачить на реке, как не раз сам это видел. На рыбалке он бы выпускал своего коршуна, и тот бы ловил рыбу. И не только для него, но и для всех пацанов, когда ни у кого она не ловилась! Тогда все друзья умерли бы от зависти!

«И всё же правильно, что я отпустил коршуна на волю. Люди должны жить с людьми, звери со зверями, а птицы с птицами», — подумал Васёк и успокоился.

Мелко моросящий дождь как-то незаметно перестал, ветер утих, лесные птички выпорхнули из укрытий и защебетали весело и звонко. Стрижи закружили высоко над землёй, а это старый верный признак хорошей погоды. Радуга на горизонте появилась, да не одна, а целых две. Раскинулись они дугой от одного края земли к другому. Красота неземная!

«Природа так быстро изменилась к лучшему — это, наверное, потому, что я сделал то, что и должен был сделать настоящий человек», — подумал Васёк. И душа его наполнилась светлой радостью.